

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.6

УДК 316, ББК 60.5

© Бородкина О.И., Соколов Н.В., Тавровский А.В.

Социальные риски международной иммиграции в Россию*

Ольга Ивановна

БОРОДКИНА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191124, ул. Смольного, д. 1/3,
9 подъезд

E-mail: oiborodkina@gmail.com

Николай Викторович

СОКОЛОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191124, ул. Смольного, д. 1/3,
9-й подъезд

E-mail: nvsspb@yandex.ru

Александр Владимирович

ТАВРОВСКИЙ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191124, ул. Смольного, д. 1/3,
9-й подъезд

E-mail: alectavr@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10092) в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Бородкина, О.И. Социальные риски международной иммиграции в Россию / О.И. Бородкина, Н.В. Соколов, А.В. Тавровский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 114-133. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.6

For citation: Borodkina O.I., Sokolov N.V., Tavrovskii A.V. Social risks of international immigration into Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 114-133. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.6

Аннотация. В статье обосновывается социологическая теория миграционных рисков. Несмотря на то, что в отечественной социологической науке теории риска в последние годы уделяется все больше внимания, риски миграционных процессов не получили должного осмысления. По мнению авторов, такая теория должна учитывать социальные риски для всех участников миграционного процесса: для принимающих стран, стран исхода и для самих мигрантов. Основанием типологической модели миграционных рисков послужила теория интеграции Х. Эссера и Ф. Хекманна. В модели описывается то, как различные риски проявляются на микро-, мезо- и макроуровне социальной реальности, с учетом четырех измерений социальной интеграции: культурного, структурного, интеракционного и идентификационного. На основании теоретической модели выделяется несколько групп рисков для принимающего населения: риски, основанные на опыте взаимодействия местного населения с мигрантами на микроуровне, и воспринимаемые риски, которые могут быть сформированы СМИ под влиянием тех или иных политических сил на макроуровне. Эти группы рисков были изучены с помощью телефонного опроса общественного мнения жителей Санкт-Петербурга (N=1017). Исследование показывает значение культурной дистанции между принимающим сообществом и мигрантами, что проявляется в повышенном внимании к воспринимаемой угрозе нормам и ценностям местного населения, тогда как риски, связанные с рынком труда и проявлениями насилия, остаются на периферии общественного внимания. Отмечается также высокий уровень социальных рисков для той части принимающего сообщества, которая включена в повседневные взаимодействия с мигрантами. Члены сообщества боятся собственной включенности в миграционный процесс и пытаются закрыться от него – «не замечают» присутствия мигрантов в своей повседневности, «не вникают» в особенности их труда и быта, ограничиваются предельно общим взглядом на события, участниками которых на самом деле уже являются. По мнению авторов, анализ социальных рисков международной миграции должен занимать одно из ведущих мест в предметной области социологии риска и социологии миграции, более того, эта проблема может стать самостоятельным направлением рискологических и миграционных теорий.

Ключевые слова: риск, международная миграция, принимающие страны, страны-доноры, общественное мнение, Санкт-Петербург.

Введение

Распад Советского Союза привел к интенсификации миграционных процессов и образованию на постсоветском пространстве миграционной системы, в которой Россия играет роль страны-реципиента. На протяжении постсоветских десятилетий конфигурация миграционных потоков существенно меняется. На смену массовой вынужденной миграции русскоязычного населения бывших советских республик, которая, по сути, была репатриацией выходцев из России и их потомков, приходит массовая трудовая миграция, состоящая в

значительной степени из молодых жителей центральноазиатских и закавказских республик с преобладанием мужчин [5; 14]. Так, в 2016 г. доля мигрантов из Узбекистана в возрасте от 18 до 39 лет составила более 70% (табл. 1).

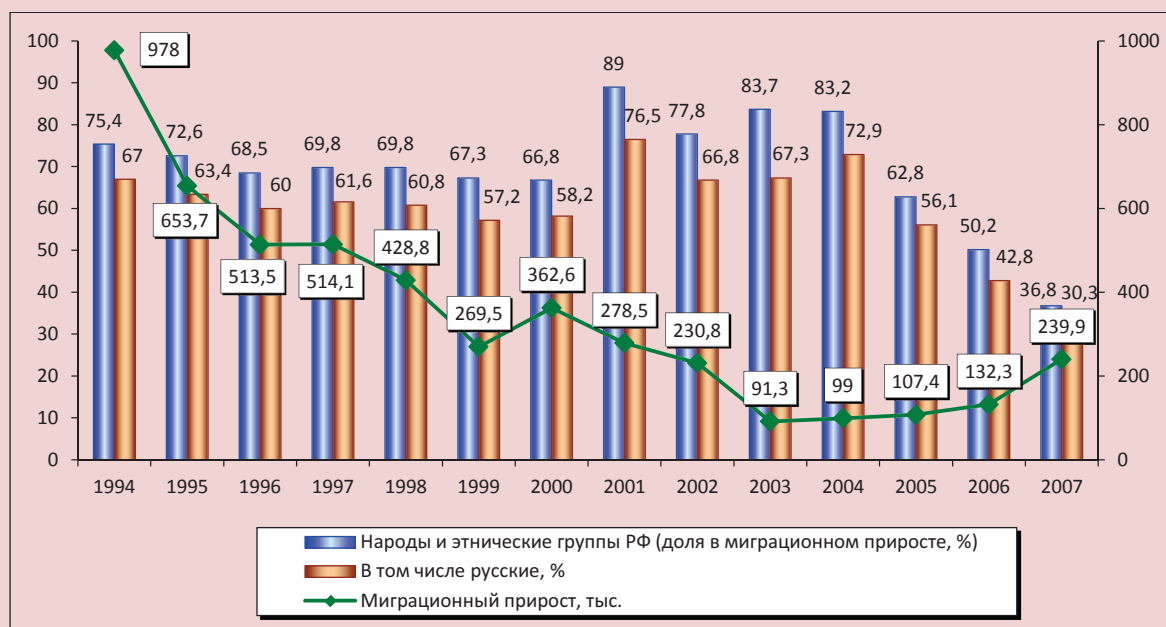
К середине 2000-х гг. доля русских и других этнических групп РФ в миграционном приросте существенно снижается, достигая в 2007 г. 36, 8% (рис. 1), а трудовая миграция, наоборот, приобретает массовый характер: например, количество выданных в 2014 г. разрешений на работу и патентов составило 3689,9 тыс. (рис. 2).

Таблица 1. Контингент мигрантов из стран – главных миграционных доноров России (более 400 тыс. человек), распределение по полу и возрасту (на 5 апреля 2016 г.)

Страна	Пол	Возраст						Всего
		<17	18-29	30-39	40-49	50-59	60+	
Украина	Мужчины	177 637	407 436	354 097	252 237	173 836	85 970	1 451 213
	Женщины	156 524	236 375	189 905	157 891	156 345	139 155	1 036 195
	Всего							2 487 408
Узбекистан	Мужчины	75 131	729 916	315 079	226 413	71 261	10 367	1 428 167
	Женщины	34 552	104 549	88 710	58 366	25 283	16 154	327 614
	Всего							1 755 781
Таджикистан	Мужчины	75 067	358 384	167 347	93 717	29 116	3 699	727 330
	Женщины	30 783	51 301	36 309	22 290	7 953	2 570	151 206
	Всего							878 536
Казахстан	Мужчины	54 510	107 387	77 783	57 938	45 659	27 355	370 632
	Женщины	42 563	58 395	38 874	33 244	37 034	41 400	251 510
	Всего							622 142
Кыргызстан	Мужчины	55 594	175 366	65 012	38 784	13 580	2 785	351 121
	Женщины	40 975	95 001	43 934	27 690	10 793	4 680	223 073
	Всего							574 194
Азербайджан	Мужчины	36 911	110 233	76 117	60 371	41 740	13 190	338 562
	Женщины	31 222	46 214	31 028	30 399	26 512	14 882	180 257
	Всего							518 819
Молдова	Мужчины	23 765	118 008	79 841	53 010	28 948	5 619	309 191
	Женщины	18 146	51 498	37 608	31 847	21 648	8 011	168 758
	Всего							477 949

Составлено по данным Главного управления по вопросам миграции МВД России.

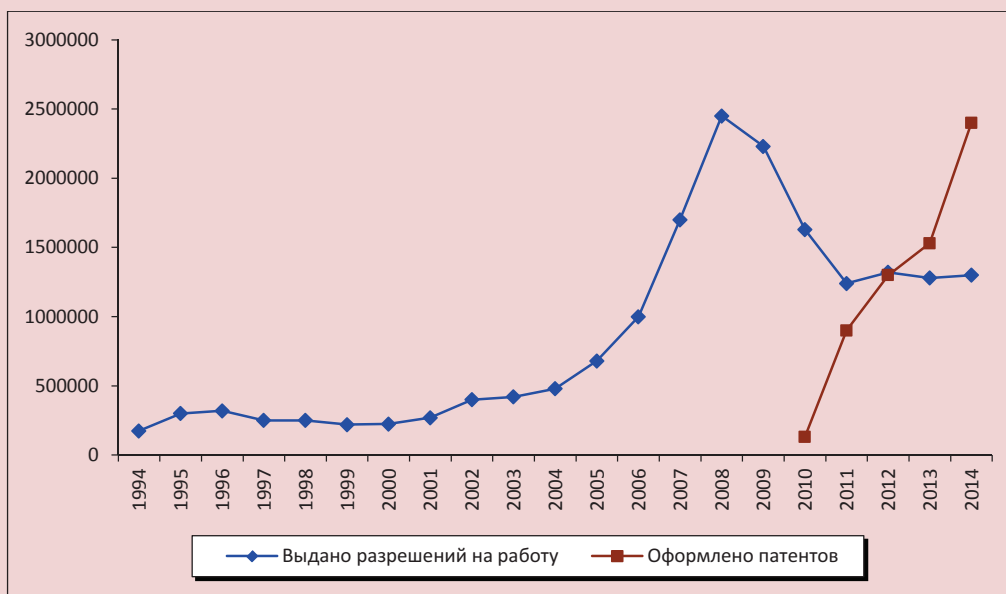
Рисунок 1. Доля этнических групп РФ (включая русских) в миграционном приросте, %

Примечание. Этнический состав мигрантов учитывался до 2007 г.

Источник: составлено по данным Росстата.

Рисунок 2. Количество выданных разрешений на работу и оформленных патентов

Примечание. Выдача патентов на работу у физических лиц началась в 2010 г.

Источник: составлено по данным ФМС России.

Трудовая миграция в основном имеет возвратный характер, однако значительная часть трудовых мигрантов оседает в России, оставаясь на легальном или нелегальном положении. Приведенные данные указывают на значительный масштаб миграционных потоков в Россию, при этом необходимо учитывать недокументированную трудовую миграцию, которая, по оценке экспертов, может быть рассчитана с учетом поправочного коэффициента 1,8 [13, с. 26]).

Несмотря на высокую мобильность и адаптивность, молодежь по сравнению с другими возрастными группами обладает незначительным объемом социального, культурного и экономического капитала, что во многом связано со сложной социально-экономической ситуацией стран-доноров. В современной России молодые мигранты сталкиваются с проблемой

социальной интеграции в ее культурном, структурном, интеракционном и идентификационном измерениях [23; 26]. Помимо нехватки капитала на пути социальной интеграции мигрантов встает целый ряд барьеров: институциональные (противоречивый и рестриктивный характер миграционной политики и законодательства, неразвитость правоприменительной практики в отношении соблюдения прав мигрантов, широкое распространение коррупционных практик среди проверяющих органов, спекулирование на теме миграции в политическом и медийном дискурсах), интерактивные (дискриминационные действия представителей принимающего населения, включая радикальные анти-мигрантские общественные движения) и культурные (ксенофобия принимающего населения, этноцентристские и расистские предрассудки).

Недостаток капитала и барьеры на пути интеграции молодых мигрантов приводят к возникновению новых социальных неравенств, которые складываются в ходе процессов эксплуатации, иерархизации, этнической стратификации, сегрегации и маргинализации. Новые социальные неравенства ограничивают доступ мигрантов к жизненно важным ресурсам, затрудняют или полностью лишают их возможности действовать во многих значимых сферах принимающего общества, представляют опасность самой их жизни [40]. Неравенства возникают в сфере экономики, образования, социального обеспечения, здравоохранения, рынка жилья, культуры и политики.

Эта ситуация чревата усилением социальных рисков, понимаемых как возможные негативные последствия, которые с определенной степенью вероятности могут затронуть всех участников миграционного процесса: самих мигрантов, общества-доноры и принимающее общество. Миграционная ситуация становится все более комплексной, что является вызовом для социальных наук и требует сложных подходов, которые бы учитывали взаимосвязь принимающего общества, общества стран-доноров, а также интересы, права и практики самих мигрантов. Перспектива социальных рисков может дать дополнительный толчок изучению новых социальных неравенств и концепций интеграции мигрантов.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что в данной работе впервые осуществлен синтез теорий риска и теорий социальной интеграции мигрантов. На основе теоретического синтеза разработана оригинальная типологическая модель социальных рисков международной иммиграции в Россию и изучено восприятие миграционных рисков населением Санкт-Петербурга.

Социальные риски международной миграции: концептуальные подходы

Важнейшую роль в изучении социальных рисков международной миграции играет теория риска, которая складывается в социальных науках в 1980-е годы XX века и связана, в первую очередь, с именами Н. Лумана, У. Бека, Э. Гидденса, М. Дуглас. Указанные авторы подчеркивают значение социального, политического и культурного контекста, в рамках которого производятся и воспринимаются риски. Н. Луман отмечает возрастающую неопределенность во всех сферах современного общества и связывает риски с принятием решения в ситуации выбора, когда возможны негативные последствия. Он вводит значимое различие. Если возможная потеря соотносится с решением, то это риск, если с внешними причинами, то есть с окружающей средой, то мы имеем дело с опасностью [28, p. 21-22].

Э. Гидденс и У. Бек связывают появление общества риска с процессом модернизации, делающим акцент на будущем и усиливающим рефлексивность общества [2]. М. Дуглас подчеркивает роль политики и культуры в отборе значимых для общества рисков [22].

Для современного российского общества, по мнению ряда социологов, например О.Н. Яницкого, характерна недостаточная рефлексивность, что проявляется в неспособности адекватно и своевременно оценивать происходящие социальные перемены и реагировать на них. Незрелость социальной рефлексии в современном российском обществе приводит к недостаточному осмыслению рисков и в конечном счете усиливает рискогенный характер российского общества [16; 17].

Изучение миграционных процессов в мировой науке носит междисциплинарный характер. В данном исследовании прини-

мается широкая перспектива понимания миграции как комплексного, многоуровневого, длительного процесса социокультурной трансформации индивидов и групп. Выделим несколько областей, наиболее релевантных для данного исследования. В отношении теории миграционных процессов по-прежнему актуальной остается синтетическая теория миграции Д. Массея [30]. Она интегрирует шесть теорий: теорию неоклассической экономики [41], новую экономическую теорию трудовой миграции [39], теорию сегментированного рынка труда [34], теорию мировых систем [37], теорию социального капитала и миграционных сетей [20; 31] и теорию кумулятивной причинности [29]. Синтез Д. Массея позволяет ответить на ряд фундаментальных вопросов: какие структурные факторы в развивающихся странах способствуют эмиграции и какие структурные факторы в развитых странах создают спрос на мигрантов? Каковы мотивации людей, которые, испытывая влияние этих макроструктурных факторов, решаются на переезд из одной страны в другую? Какие институциональные структуры возникают в ходе международных миграций для поддержания международной мобильности и как они, в свою очередь, влияют на миграционные процессы? И наконец, как государство реагирует на возникающие потоки людей и насколько эффективной может быть миграционная политика?

Кроме того, для понимания миграционных процессов, идущих на постсоветском пространстве, в частности евразийской интеграции, полезной представляется теория миграционных систем [24; 27]. Данная теория обращается к широкому историческому контексту, определившему формирование социальных структур, которые возникли в ходе устойчивых политических, экономических и культурных взаимосвязей между двумя или более обществами.

Под влиянием процессов глобализации свои коррективы в вышеописанные теории вносят относительно новые исследования транснациональной миграции и транснациональных пространств. В них критически переосмысливаются прежние понятия о границах, нациях и сообществах, переопределяются отношения между глобальным и локальным и на передний план выходят концепции детерриторизации и глобального пространства, сетей и потоков — людей, товаров, услуг, капиталов, технологий и идей, преодолевающих национальные и региональные границы (концепция пространственно-временной компрессии Д. Харви, теория потоков М. Кастельса и Дж. Урри, теория скейпов А. Аппадурай). Изучение того, как в процессе глобализации экономики индивиды и группы перемещаются через региональные и национальные границы, создавая новые транснациональные пространства и отношения, получает развитие в концепции транснационализма [33; 38]. Здесь подчеркивается, что мигранты находятся одновременно в двух социальных мирах — общества исхода и принимающего общества и сохраняют тесные связи с родиной, активно участвуя в его экономической, политической и культурной жизни [19]. В последнее время концепция транснационализма, в свою очередь, подвергается критическому переосмыслению [42].

Другим значимым исследовательским полем является изучение включения мигрантов в принимающее общество. Для понимания этого процесса в социальных науках сформировалось целое семантическое поле: абсорбция, адаптация, аккультурация, ассимиляция, инклюзия (включение), инкорпорация и, наконец, интеграция. В позднейших исследованиях многие из этих понятий были пересмотрены. Так, классическое понимание ассимиляции (М. Гордон) было переосмыслено Р. Альбой,

В. Ни, Г. Гансом, Р. Брубейкером [18; 21; 25], в то время как А. Портес, М. Чжоу и Р. Румбо предложили теорию «сегментной ассимиляции», согласно которой дети мигрантов ассимилируются в разные сегменты принимающего общества, что зависит как от характеристик самих представителей второго поколения мигрантов, так и от характеристик этих сред.

Следует подчеркнуть, что миграционная ситуация в России остается на периферии западных исследований. В свою очередь, российские исследования миграции остаются по преимуществу эмпирически ориентированными. Тем не менее, они заложили твердую основу для изучения современной миграционной ситуации в России. Из последних работ отметим исследования миграционных процессов А.Г. Вишневого [5], работы В.И. Мукомеля [9], В. Малахова, Е. Варшавера и др. по проблемам адаптации и интеграции мигрантов [3; 8], анализ миграционных рисков Ж.А. Зайончковской, Д.В. Полетаева, Ю.Ф. Флоринской и др. [7], исследования В.И. Мукомеля, К.С. Григорьевой по миграционной политике [10], работы по трудовой миграции С.В. Рязанцева [11; 12; 13], исследования гражданства О.С. Чудиновских [15] и транснациональных связей С.И. Абашина [1].

Наиболее перспективной для нашего подхода является теория социальной интеграции Х. Эссера [23], получившая развитие в работах Ф. Хекманна [26]. Представители этого подхода выделяют четыре измерения социальной интеграции: культурное, структурное, интеракционное и идентификационное, обозначая барьеры интеграции и последствия (дез)интеграции для процессов социальной структуризации и дифференциации. Данная теория используется не только в эмпирических исследованиях интеграции, но и для мониторинга и оценки миграционной политики [4].

Рассмотрим основные группы рисков для участников миграционного процесса, которые могут проявляться на микро-, мезо- и макроуровне социальной реальности. В процессе выделения групп рисков мы будем отталкиваться от четырех измерений социальной интеграции, предложенных в модели Х. Эссера и Ф. Хекманна.

Во-первых, выделим группу рисков, которым подвергаются *сами мигранты* (табл. 2). Эти риски могут проявляться на рынке труда и жилья, в сфере образования и здравоохранения, а также в повседневной жизни мигрантов.

Следующая группа рисков касается *обществ-доноров*. На макроуровне это риски, связанные с оттоком наиболее активных групп трудоспособного населения, особенно молодежи, и вызванные этим изменения экономики и социально-демографической структуры. Экономика отдающих обществ в большой степени зависит от денежных переводов мигрантов и в меньшей степени развивается за счет внутренних ресурсов, технологических инноваций и создания новых рабочих мест. Кроме того, особые риски несет с собой эмиграция квалифицированных специалистов, так называемая «утечка мозгов». Кроме того, нарушается гендерный и поколенческий баланс, что на мезо- и микроуровне приводит к изменению структуры семьи, гендерного порядка и процессов социализации.

Наконец, последняя группа рисков касается *принимающего общества*. Пожалуй, наиболее значимым на макроуровне является риск развития новых форм социального неравенства, появление нового низшего класса в лице низкоквалифицированных работников-мигрантов, обладающих ограниченным набором трудовых и социальных прав, и недокументированных мигрантов, лишенных большинства прав. Эта ситуация чревата развитием этнической

Таблица 2. Типология социальных рисков для мигрантов в зависимости от измерений социальной интеграции и уровня социальной реальности

Уровень социальной реальности	Измерения социальной интеграции			
	Культурное	Структурное	Интеракционное	Идентификационное
Микро	Со стороны принимающего населения: ксенофобия, этноцентристские и расистские предубеждения, стигматизация; со стороны мигрантов: недостаток языковой, коммуникативной, правовой компетентности, низкая профессиональная квалификация; дисквалификация	Непризнание и неуважение, выстраивание статусных иерархий, потеря статуса, дискриминация	Отношения с принимающим сообществом: коммуникативная неудача, срыв взаимодействия, конфликтное взаимодействие, насилие; отношения с обществом исхода: ослабление или разрыв социальных связей	Маргинализация
Мезо	Ксенофобия, этноцентристские и расистские предубеждения, стигматизация	Ограничение доступа к принимающим сообществам, социальным сетям и организациям; институциональная дискриминация	Недоверие; межгрупповой конфликт и насилие; радикальные антимигрантские общественные движения	Исключение, сегрегация со стороны принимающих сообществ, социальных сетей, организаций; самоизоляция сообществ, социальных сетей и организаций мигрантов
Макро	Ксенофобия, этноцентристские и расистские предубеждения, стигматизация, спекулирование на теме миграции в политическом и медийном дискурсах	Иерархизация, этническая стратификация, эксплуатация, противоречивый и рестриктивный характер миграционной политики и законодательства; потеря легального статуса и криминализация; неразвитость институтов поддержки и защиты прав мигрантов, институциональная дискриминация	Коррупция среди проверяющих органов, институциональное насилие, выдворение, депортация	Исключение, сегрегация со стороны принимающего общества; самоизоляция со стороны сообществ мигрантов

Источник: составлено авторами.

стратификации, этнизацией социальных проблем и усилением правых антимигрантских позиций как в повестке политических партий, так и со стороны антимигрантских общественных движений. Конфликтное противостояние большинства и меньшинства, новые социальные неравенства бросают прямой вызов социальной сплоченности общества. Ситуация может осложняться конфликтами между различными группами мигрантов, что приводит к росту насилия в принимающем обществе.

В отношении общества приема важно, с одной стороны, выделить риски, осно-

ванные на опыте взаимодействия местного населения с мигрантами на микроуровне: например, риски, связанные с низким качеством услуг, оказываемых мигрантами, риски снижения образовательного уровня в школах, где учатся дети-мигранты, риски поведенческих конфликтов, обусловленных различием культурных норм.

С другой — воспринимаемые риски, которые могут быть сформированы СМИ под влиянием тех или иных политических сил на макроуровне. В последнюю группу входят, например, воспринимаемые риски конкуренции и демпинга на рынке

труда, риски в области здоровья, связанные с образом мигрантов как носителей опасных болезней, а также риски, связанные с представлением о широком распространении насилия и преступности в среде мигрантов.

В заключение теоретической части можно утверждать, что трансграничная миграция, являясь одной из стратегий снижения рисков домохозяйств в обществах исхода, сама порождает новые риски как для этих обществ, так и для обществ приема и для самих мигрантов. Так, например, большой риск представляет, с одной стороны, нехватка человеческого и социального капитала мигрантов, а с другой — те ситуации неопределенности в процессе обретения правового статуса, на рынке труда, в сфере образования, здравоохранения, повседневных взаимодействий, которые создаются рискогенными решениями различных акторов принимающего общества.

Методы исследования

Эмпирическую базу исследования составляют результаты массового опроса, проведенного в Санкт-Петербурге с целью оценки миграционной ситуации в городе и отражения миграционных рисков в сознании принимающего сообщества. Санкт-Петербург является одним из наиболее привлекательных для международной трудовой и образовательной миграции регионов, и ситуация в нем хотя и не исчерпывает собой всего многообразия миграционных рисков, но основные из них репрезентирует достаточно хорошо.

Методика сбора данных — телефонное стандартизированное интервью. Выбор методики определен тем, что телефонные опросы являются оптимальными для быстрого сканирования общественного мнения таких крупных городов, как Санкт-Петербург. Дополнительным мотивом

использования именно телефонных интервью стало наличие по некоторым индикаторам лонгитюдных данных, ранее собранных с применением именно данной методики.

Вопросник включал в себя 40 вопросов о ситуации в городе, контактах горожан с мигрантами в различных сферах жизни, оценки позитивных и негативных последствий миграции, эффективности институционального контроля этого процесса, отношения к различным вариантам стратегии управления миграцией и миграционной политики государства, а также 6 вопросов о демографическом, экономическом и социальном статусе респондента. Большая часть вопросов — полузакрытые с вариантом ответа «другое». Для оценочных переменных использовались специально разработанные вербальные порядковые шкалы, представляющие ключевые варианты в пределах возможного спектра суждений. Более простые вопросы сопровождалась шкалой Лайкерта. Также применена методика «кафетерий Лайкерта», позволяющая идентифицировать позицию респондента по совокупности оценивания серии индикаторов.

Генеральная совокупность исследования — жители Санкт-Петербурга, достигшие возраста 18 лет и старше. Выборка стратифицированная, пропорционально распределена между 18 муниципальными районами Санкт-Петербурга. Отбор телефонных номеров из общей базы городских стационарных абонентов — случайный, осуществлялся системой САТІ с помощью специального программного обеспечения, основанного на использовании генератора случайных чисел.

Интервью проводились только по телефонам, установленным в жилом фонде (по месту жительства респондентов). При

отборе респондентов по конкретному телефонному номеру применялось квотирование по полу и возрасту. Наполнение территориальной и половозрастной структуры выборки контролировалось автоматически – по мере предельного наполнения районных подвыборок и легкодоступных для исследования демографических категорий относящиеся к ним респонденты более не включались в исследование.

Общий размер полученной выборки составил 1017 человек, что обеспечивает предельную случайную ошибку выборки $\Delta=3,1\%$ для доверительной вероятности 95%.

Ввод данных осуществлен непосредственно в процессе интервью с помощью интерактивной формы системы САПІ. Обработка данных выполнена с помощью программы SPSS версия 16.0. Визуализация данных выполнена с помощью MS Excel (графики) и MS Word (таблицы). Для анализа матриц сопряженности использован тест Хи-квадрат по Пирсону и методика стандартизированных остатков. В ходе анализа данные были частично сгруппированы в укрупненные смысловые категории – в шкале Лайкерта объединены категорические и мягкие варианты ответов, созданы дихотомические переменные на основе выделения некоторых вариантов ответа в сложных вербальных шкалах.

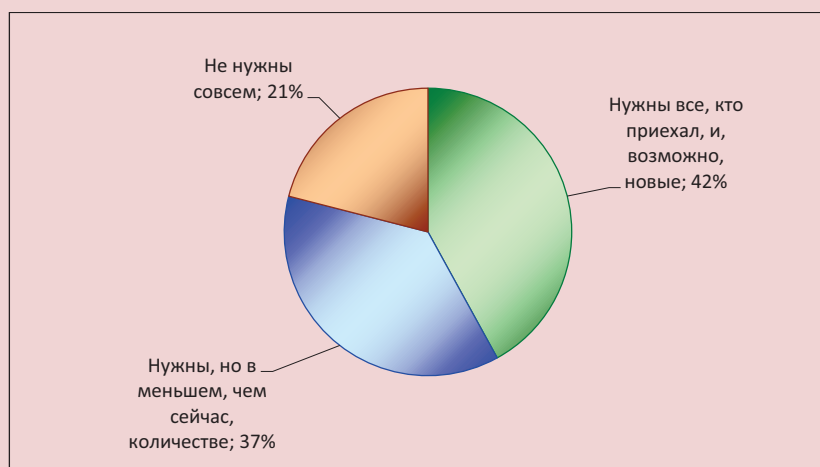
Результаты телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга

Анализ общественной рефлексии на макроуровне – отношения к миграции как явлению и мигрантам как неразделенному контингенту – показал, что в петербургском сообществе преобладают сдержанные оценки при достаточно широкой дифференциации подходов. Модальным ответом на вопрос «*Нужны ли сегодня мигранты Санкт-Петербургу?*» стал вариант «*нужны,*

но меньше, чем сейчас есть в городе» – 34,1% опрошенных. Вторая по численности категория горожан (30,3%) допускает сохранение актуального контингента мигрантов, но против его увеличения. Только 7,5% жителей Петербурга приветствуют увеличение численности мигрантов в городе («*нужны, надо чтобы мигранты продолжали приезжать в Санкт-Петербурге*»). А каждый пятый (18,8%) вообще против их присутствия – «*мигранты в Санкт-Петербурге не нужны – те, кто приехал, пусть уезжают*». Обращает на себя внимание относительно малый вес затруднившихся с ответом (5,7%) и сформулировавших другой (в основном – дифференцированный) вариант (3,6%). Это свидетельствует о том, что тема миграции в принимающем сообществе дискутируется и определенные позиции уже сформированы.

Углубленный анализ показал, что категории допускающих сохранение статус кво и допускающих рост миграции подобны по своей позиции в отношении других индикаторов и могут быть объединены. Напротив, позиция тех, кто допускает присутствие мигрантов при сокращении их численности, существенно отличается от позиции полного исключения приезжих. Следовательно, в зоне определенного мнения [6, с. 100] наблюдаются три основные точки зрения (рис. 3). При этом большинство горожан выступают за сокращение численности мигрантов (52,9% от общего числа опрошенных, 58,3% от числа высказавших определенную позицию), но это большинство не выработало на момент исследования общую (доминирующую) позицию. На практике речь идет о широком спектре ожиданий – от сокращения численности отдельных проблемных контингентов до удаления всех приезжих без исключения.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Нужны ли сегодня мигранты Санкт-Петербургу?» (% от числа ответивших на данный вопрос)

Второй индикатор, характеризующий позицию принимающего сообщества на макроуровне, — отношение к возможной амнистии нелегальных мигрантов. С учетом проективного характера объекта оценки в ходе интервью пояснялось, что речь идет о предложении «разрешить нелегальным мигрантам остаться и работать в России при условии соблюдения законодательства и уплаты налогов». Анализ показал, что поведение данного показателя в значительной мере подобно и связано с рассмотренным выше. Доли затруднившихся с ответом на эти два вопроса практически совпадают (8,5%), среди определившихся незначительный перевес у противников амнистии (48,8% от выборки в целом, 53,3% высказавших определенную позицию). При этом обращает на себя внимание высокая доля горожан, категорически возражающих против амнистии нелегальных мигрантов — 31,2% респондентов. Таким образом, лагерь противников амнистии на 2/3 составляют те, кто «безусловно против» нее. Среди сторонников амнистии, напротив, преобладает умеренная

позиция (26,5% ответов «скорее поддерживаю» из 42,8% опрошенных, выступающих за амнистию).

Перекрестный анализ показал взаимосвязь распределений, отражающих общественные позиции по поводу потребности города в мигрантах и амнистии нелегалов (табл. 3). Анализ матрицы сопряженности с применением методики стандартизированных остатков позволил выявить статистически существенные сдвиги в пропорциях распределения сторонников и противников амнистии в двух оппозиционных друг другу категориях горожан — тех, кто допускает сохранение и/или увеличение контингента мигрантов в Санкт-Петербурге, и тех, кто выступает за их полное удаление из города. Модальная же категория респондентов («мигрантов нужно меньше, чем сейчас») голосует против амнистии в пропорции, очень близкой к средней по выборке.

Представленные наблюдения позволяют сделать два промежуточных вывода. Во-первых, мигранты в значительной мере ассоциируются в массовом сознании с

Таблица 3. Взаимосвязь представлений о потребности Санкт-Петербурга в мигрантах и отношения к возможной амнистии нелегальных мигрантов (% ответивших по категориям)

Отношение к предложению провести амнистию нелегальных мигрантов	Нужны ли сегодня мигранты Санкт-Петербургу?		
	Нужны все, кто уже приехал, и, возможно, новые	Нужны, но меньше, чем сейчас есть – их численность нужно сократить	Не нужны совсем – те, кто приехал, пусть уезжают
Поддерживают амнистию	59,8	42,2	24,6
<i>станд. остаток</i>	3,9	-0,9	-4,2
Против амнистии	40,2	57,8	75,4
<i>станд. остаток</i>	-3,6	0,9	3,9
Итого	100	100	100

нелегальными мигрантами, а миграция в целом, вероятно, – с нелегальной миграцией. В данном случае наблюдается как раз эффект медийного конструирования социальной проблемы, поскольку с точки зрения воздействия на повседневность принимающего сообщества легальный/нелегальный статус приезжего является второстепенным фактором и производится от эффективности/неэффективности функционирования механизмов государственного контроля. Во-вторых, фактически проявляются две оппозиционные друг другу стратегии отношения принимающего сообщества к мигрантам: первая состоит в том, чтобы принимать всех и, вероятно, даже стимулировать миграцию, вторая – полностью ее исключить. Промежуточная позиция – сокращать контингент мигрантов, сохраняя его как таковой, – по сути, является компромиссной. Ее распространенность в массовом сознании свидетельствует о недостаточном оформлении общественной позиции по отношению к миграции как явлению.

Третий индикатор макроуровня, использованный при анализе, – выбор миграционного приоритета для принимающего сообщества. Респондентов спрашивали, кому следует отдавать предпочтение при выдаче виз, разрешений на пребывание и работу в России: тем, кто приезжает на временную работу, или тем, кто плани-

рует остаться и жить здесь постоянно? Как и в отношении амнистии нелегалов, опрошенные распределились на два близких по размеру лагеря с небольшим преимуществом у сторонников модели временного пребывания (рис. 4). Однако в данном случае значительно большим (17%) оказался вес затруднившихся с ответом, что свидетельствует о том, что такие «тонкости» миграционного процесса уже реже обсуждаются горожанами.

Анализ системы из трех индикаторов макроуровня показывает, что, хотя миграционная тематика привычна для петербургского сообщества, говорить о сформировавшейся общественной позиции в этой области рано. Об этом свидетельствуют почти равновероятное распределение опрошенных между ключевыми альтернативами и модальность компромиссных позиций. Петербуржцы до сих пор массово воспринимают мигрантов как временную рабочую силу и фокусируют внимание на их формальном статусе (легальном или нелегальном). Общественная рефлексия отстает от объективного процесса трансформации самого принимающего сообщества, что выводит этот процесс из-под социального контроля и создает риски на макроуровне.

Как соотносятся тенденции макроуровня с данными индикаторов мезо- и микроуровней? Для этого обратимся к оценке

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Кому, на Ваш взгляд, надо отдавать приоритет при выдаче виз и разрешений на пребывание в России – тем, кто приезжает на временную работу, или тем, кто планирует остаться и жить здесь постоянно?» (% от общего числа опрошенных)

городским сообществом собственных миграционных рисков: от 50 до 87% опрошенных подтвердили различные по содержанию угрозы, вытекающие из присутствия мигрантов в Санкт-Петербурге (рис. 5).

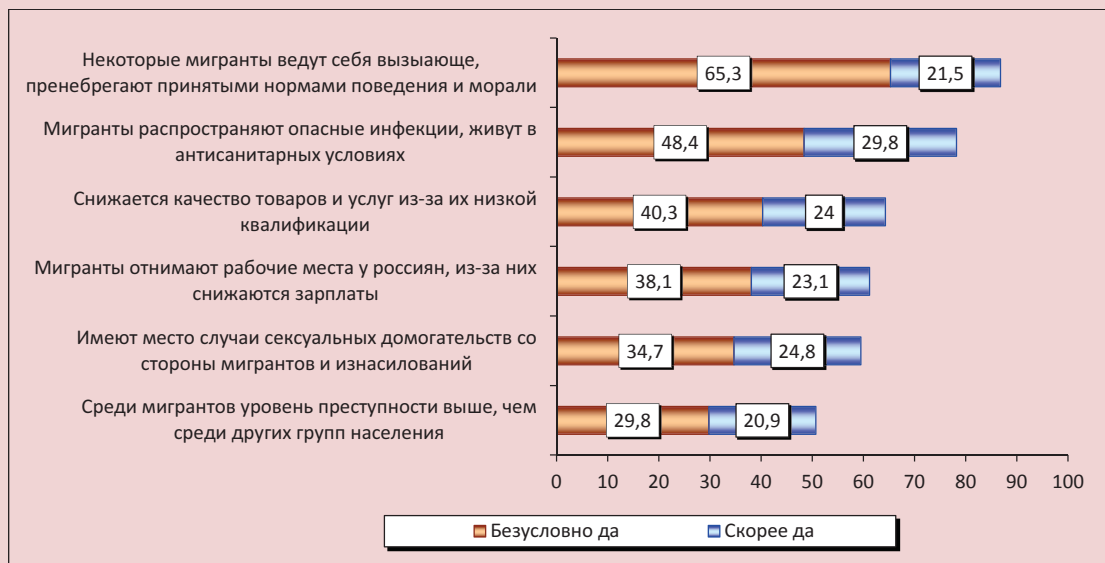
Однако анализ структуры проблем, которые горожане ассоциируют с присутствием мигрантов, рождает новые вопросы. Лидирующие позиции занимают претензии, по сути, к образу жизни мигрантов – аморальному поведению, игнорированию локальных культурных образцов и «грязному» быту. Почему эти моменты существенно опережают функциональные по своему содержанию сюжеты конкуренции на рынке труда и потери качества и технологической культуры? Ведь вторые угрожают реальным материальным ущербом, тогда как первые – скорее символическим. Почему нижние позиции в рейтинге рисков оказались у наиболее общественно опасных проявлений – насильственной преступности и сексуальной агрессии? Ведь именно после событий та-

кого содержания происходило большинство массовых волнений, связанных с мигрантами.

Одним из возможных объяснений выступает то, что принимающее сообщество отдает при интерпретации миграционных явлений приоритет культурным капиталам и целям, тогда как экономические капиталы и цели безопасности остаются на периферии общественного внимания. Тогда культурная дистанция между принимающим сообществом и контингентами мигрантов, представляющих различные сообщества-доноры, может представлять определяющий фактор, на основе которого выстраивается вся система взаимодействия, включая экономическое сотрудничество и конкуренцию, вплоть до конфликтов в форме насилия.

Для характеристики миграционной ситуации на *микроуровне* представим, прежде всего, два индикатора, отражающих вовлеченность населения в наиболее острые интеракции, связанные с насилием и сек-

Рисунок 5. Верификация горожанами рисков принимающего сообщества (доли утвердительных ответов на вопрос: «С какими из перечисленных суждений Вы согласны?») (% от общего числа опрошенных)

суальной агрессией. В данном случае методика предполагала гендерную дифференциацию индикаторов. Респондентам-мужчинам был задан вопрос о том, случилось ли им лично когда-либо участвовать в драках с мигрантами или других конфликтах с ними с применением насилия или угрозы насилия. Женщин спрашивали, случилось ли им лично быть жертвой сексуальных домогательств, приставаний или насилия со стороны мигрантов. По итогам опроса 18,5% мужчин и 9,4% женщин ответили утвердительно.

Доля вовлеченных в острую конфликтную интеракцию с мигрантами существенно выше в молодежной среде. Почти каждый третий мужчина в возрасте до 30 лет (29,7%, стандартизированный остаток 2,6) сообщил о наличии у него опыта насильственного взаимодействия с мигрантами. Каждая пятая девушка этой возрастной категории (21,3%, стандартизированный остаток 4,3) подвергалась как минимум приставаниям мигрантов.

Наличие опыта острой конфликтной интеракции значительно усиливает проблематизацию контингента мигрантов. Так, среди мужчин, лично участвовавших в драках и/или иных насильственных взаимодействиях, половина (49,4%, стандартизированный остаток 2,7) безусловно подтверждают, что уровень преступности среди мигрантов выше, чем в других слоях населения. Большинство женщин, подвергавшихся сексуальной агрессии (54,5%, стандартизированный остаток 2,6), безусловно верифицируют мигрантов в качестве потенциального источника такой агрессии.

Таким образом, исследование показывает высокий уровень социальных рисков для той части принимающего сообщества, которая включена в повседневные взаимодействия с мигрантами. Возможно, реакцией на повышенный уровень рисков как раз является игнорирование сообществом проблемных моментов миграционного процесса, их оценки и задач фор-

мирования определенной общественной позиции. Члены сообщества боятся собственной включенности в миграционный процесс и пытаются закрыться от него — «не замечают» присутствия мигрантов в собственной повседневности, «не вникают» в особенности их труда и быта, ограничиваются предельно общим взглядом на события, участниками которых на самом деле уже являются.

Заключение

В данном исследовании мы постарались наметить контуры социологической теории миграционных рисков. Несмотря на то, что в отечественной социологической науке теории риска в последние годы уделяется все больше внимания, риски миграционных процессов не получили должного осмысления. Мы полагаем, что эвристическое значение предложенной теоретической модели состоит в том, что она позволяет выделить и показать взаимосвязь различных групп миграционных рисков для всех участников миграционного процесса в принимающих странах, странах исхода и для самих мигрантов. Основанием теоретической модели миграционных рисков послужила теория интеграции Х. Эссера и Ф. Хекманна. Мы постарались описать то, как различные риски проявляются на микро-, мезо- и макроуровне социальной реальности, учитывая четыре измерения социальной интеграции, выделенные Эссером и Хекманном.

Разумеется, в одном исследовании невозможно изучить все категории рисков,

которые позволяет выделить предложенная модель, поэтому для эмпирического исследования мы выбрали только две группы миграционных рисков принимающего населения: актуальных рисков взаимодействия на микроуровне и воспринимаемых рисков, которые могли быть сформированы СМИ под влиянием тех или иных политических сил на макроуровне. Эти группы рисков были изучены с помощью опроса общественного мнения жителей Санкт-Петербурга, что закладывает хорошую основу для дальнейших сравнительных исследований как российского, так и международного масштаба.

Настоящее исследование показывает значение культурной дистанции между принимающим сообществом и мигрантами, что проявляется в повышенном внимании к воспринимаемой угрозе нормам и ценностям местного населения, тогда как риски, связанные с рынком труда и проявлениями насилия, остаются на периферии общественного внимания. Отмечается также высокий уровень социальных рисков для той части принимающего сообщества, которая включена в повседневные взаимодействия с мигрантами.

По нашему мнению, анализ социальных рисков международной миграции должен занимать одно из ведущих мест в предметной области социологии риска и социологии миграции, — более того, эта проблема может стать самостоятельным направлением рискологических и миграционных теорий.

Литература

1. Абашин, С. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию [Текст] / С. Абашин // Восток на Востоке, в России и на Западе: транграничные миграции и диаспоры / под ред. С. Панарина. — СПб.: Нестор-История, 2016. — С. 159-176.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с.

3. Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий [Текст] / Е. Варшавер, А. Рочева, Е. Кочкин, Е. Кулдина. – М.: РАНХиГС, Центр исследований миграции и этничности, 2014. – 153 с.
4. Вилкенс, И. Интеграционный мониторинг в Германии. Эмпирическое исследование процессов интеграции иммигрантов (на примере федеральной земли Гессен) [Текст] / И. Вилкенс // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России / ред. и сост. М.С. Розанова. – СПб.: Скифия-принт, 2016. – С. 119-140.
5. Вишневский, А.Г. Вводная статья. Новая роль миграции в демографическом развитии России [Текст] / А.Г. Вишневский // Миграция в России. 2000–2012: хрестоматия в 3 томах. – Т. 1. – Ч. 1. – М.: Спецкнига, 2013. – 880 с.
6. Гавра, Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт [Текст] / Д.П. Гавра. – СПб.: ИСЭП РАН, 1995. – 350 с.
7. Защита прав москвичей в условиях массовой миграции [Текст] / Ж.А. Зайончковская, Д.В. Полетаев, Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян, К.А. Доронина. – М.: Центр миграционных исследований, 2014. – 118 с.
8. Малахов, В. Интеграция мигрантов: концепции и практики [Текст] / В. Малахов. – М.: Мысль, 2015. – 272 с.
9. Мукомель, В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества [Текст] / В.И. Мукомель // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – С. 411-467.
10. Мукомель, В.И. Новаии в российском миграционном законодательстве в контексте правоприменения [Текст] / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева // Миграционное право. – 2016. – № 2-3.
11. Рязанцев, С.В. Трудовая иммиграция в Россию: эффекты или риски для страны? [Текст] / С.В. Рязанцев // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – 2013. – № 1. – М.: ИСПИ РАН. – С. 124-137.
12. Рязанцев, С.В. Иностраные трудовые мигранты на российском рынке труда и новые подходы к миграционной политике. [Текст] / С.В. Рязанцев, В.И. Скоробогатова // Экономическая политика. – 2013. – № 4. – С. 21-29.
13. Рязанцев, С.В. Недокументированная трудовая миграция в российской экономике [Текст] / С.В. Рязанцев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Том 1. – № 1(1). – С. 24-33.
14. Тюрюканова, Е. Трудовая миграция в Россию [Электронный ресурс] / Е. Тюрюканова // ДемоскопWeekly. – 2008. – № 315–316. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0315/tema01.php>
15. Чудиновских, О.С. О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 г. [Текст] / О.С. Чудиновских // Демографическое обозрение. – 2014. – № 3. – С. 65-126.
16. Яницкий, О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» [Текст] / О.Н. Яницкий // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / под ред. Т. Заславской. – М., 1997. – 368 с.
17. Яницкий, О.Н. Социология риска: ключевые идеи [Текст] / О.Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 3-35.
18. Alba, R., Nee, V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration / R. Alba, V. Nee // International migration review. – Vol. 31. – No 4. – 1997. – Pp. 826-874.
19. Bauböck, R. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism / R. Bauböck // International Migration Review. – Vol. 37. – No 3. – 2003. – Pp. 700-723.
20. Boyd, M. Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas / M. Boyd // International Migration Review. – Vol. 23. – 1989 – Pp. 638-670.
21. Brubaker, R. The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – Vol. 24. – No. 4. – 2001. – Pp. 531-548.
22. Douglas, M., Wildavsky, A. Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers / M. Douglas, A. Wildavsky. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1982. – 221 p.

23. Esser, H. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft* / H. Esser. – Frankfurt-New York: Campus, 2000. – 511 S.
24. Fawcett, J.T. *Networks, Linkages and Migration Systems* / J.T. Fawcett // *International Migration Review*. – Vol. 23. – 1989. – Pp. 671-680.
25. Gans, H.J. *Toward a Reconciliation of “Assimilation” and “Pluralism”: The Interplay of Acculturation and Ethnic Retention* / H.J. Gans // *International Migration Review*. – Vol. 31. – No 4. – 1997. – Pp. 875-892.
26. Heckmann, F. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung* / F. Heckmann. – Heidelberg: Springer VS, 2015. – 309 S.
27. Kirz, M.M., Lim, L.L., Zlotnik, H. *International Migration Systems: a Global Approach*. Oxford, UK: Clarendon Press, 1992.
28. Luhmann, N. *Risk: A Sociological Theory* / N. Luhmann. – N.Y., 1993. – 236 p.
29. Massey, D.S. *Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration* / D.S. Massey // *Population Index*. – Vol. 56. – 1990. – Pp. 3-26.
30. Massey, D.S., Arango, J., Koucouci, A., Pelligrino, A. and Taylor, E.J. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium* / D.S. Massey et al. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 376 p.
31. Massey, D.S., Goldring, L.P., Jorge, D. *Continuities in Transnational Migration: An Analysis of 19 Mexican Communities* / D.S. Massey, L.P. Goldring, D. Jorge // *American Journal of Sociology*, 99, 1994, Pp. 1492–1533.
32. Morawska, E. *In Defense of the Assimilation Model* / E. Morawska // *Journal of American Ethnic History*. – Vol. 13. – 1994. – Pp. 76-87.
33. Ong, A. *Flexible Citizenship. The Cultural Logics of Transnationality* / A. Ong. – Durham, 1999. – 336 p.
34. Piore, M.J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society* / M.J. Piore. – Cambridge: CUP. – 1979. – 229 p.
35. Portes, A., Rumbaut, R.G. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation* / A. Portes, R.G. Rumbaut. Berkeley: University of California Press, 2001. – 430 p.
36. Portes, A., Zhou, M. *The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants* / A. Portes, M. Zhou // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – Vol. 530. – 1993. – Pp. 74-96
37. Sassen, S. *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow* / S. Sassen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 240 p.
38. Schiller, N.G., Basch, L. and Blanc-Szanton, C. *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered* / N.G. Schiller, L. Basch, C. Blanc-Szanton. – NY, 1992. – 259 p.
39. Stark, O. *The Migration of Labor* / O. Stark. – Cambridge: Basil Blackwell, 1991. – 416 p.
40. Therborn, G. *The killing fields of inequality* / G. Therborn. – Cambridge, UK: Polity Press, 2013. – 180 p.
41. Todaro, M.P. *Internal Migration in Developing Countries* / M.P. Todaro. – Geneva: International Labor Office, 1976. – 112 p.
42. Waldinger, R. *The Cross-Border Connection: Immigrants, Emigrants, and Their Homelands* / R. Waldinger. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015. – 240 p.

Сведения об авторах

Ольга Ивановна Бородкина — доктор социологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; e-mail: oiborodkina@gmail.com)

Николай Викторович Соколов — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; e-mail: nvsspb@yandex.ru)

Александр Владимирович Тавровский — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; e-mail: alextavr@mail.ru)

Borodkina O.I., Sokolov N.V., Tavrovskii A.V.

Social Risks of International Immigration into Russia

Abstract. The article explains the sociological theory of immigration risks. Despite the fact that domestic sociology has been recently attracting more attention to the risk theory, risks of migration processes have not yet been properly considered. According to the authors, such a theory must consider social risks for all participants of the migration process: host countries, countries of origin and immigrants. The typological model of immigration risks is based on the theory of integration by H. Esser and F. Heckmann. The model describes how various risks are manifested at the micro, meso and macro level of social reality taking into account the four dimensions of social integration: cultural, structural, interactional and identification. Based on the theoretical model the authors identify several groups of risks for the host population: risks based on local and migrant population interaction at the micro level and perceived risks which can be formed by the media under the influence of certain political forces at the macro level. These risk groups were examined using a telephone survey of public opinion of Saint Petersburg residents (N=1017). The study shows the importance of a cultural distance between the host community and the migrants manifested in increased attention to the standards and values of the host population, whereas risks associated with the labor market and violent behavior remain at the background of public attention. The authors also note a high level of social risk for the part of the host community involved in daily interaction with migrants. Members of community are scared of being involved in the migration process and try to shield themselves from it – they “ignore” the presence of migrants in their everyday life, “do not get involved” in their work and life focusing only on very general view of events which they are actually part of. According to the authors, analysis of social risks of international immigration should be one of the leading areas in sociology of risk and sociology of migration; moreover, this issue may become an independent area of risk assessment and migration theories.

Key words: risk, international migration, host countries, donor countries, public opinion, Saint Petersburg.

References

1. Panarin S. (Ed.). Abashin S. I zdes', i tam: transnatsional'nye aspekty migratsii iz Tsentral'noi Azii v Rossiiu [Here and there: transnational aspects of immigration from Central Asia into Russia]. *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migratsii i diaspori* [East in the East, in Russian and in the West: cross-border migration and diaspora]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. Pp. 159-176. (In Russian).
2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society. Towards new modernism]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 383 p. (In Russian).
3. Varshaver E., Rocheva A., Kochkin E., Kuldina E. *Kirgizskie migranty v Moskve: rezul'taty kolichestvennogo issledovaniya integratsionnykh traektorii* [Kirghiz migrants in Moscow: results of quantitative examination of integration trajectories]. Moscow: RANKhiGS, Tsentr issledovaniia migratsii i etnichnosti, 2014. 153 p. (In Russian).
4. Wilkens I. Integratsionnyi monitoring v Germanii. Empiricheskoe issledovanie protsessov integratsii immigrantov (na primere federal'noi zemli Gessen) [Integration monitoring in Germany. Empirical study of immigrant integration processes]. *Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i Rossii* [Labor migration and migrant integration policy in Germany and Russia]. (Edited by Rozanova M.S.). Saint Petersburg: Skifiya-print, 2016. Pp. 119-140. (In Russian).
5. Vishnevskii A.G. Vvodnaya stat'ya. Novaya rol' migratsii v demograficheskom razvitii Rossii [Introduction article. The new role of migration in Russia's demographioc development]. *Migratsiya v Rossii. 2000–2012: khrestomatiya v 3 tomakh* [Migration in Russia. 2000–2010: compilation in three volumes]. Vol. 1, ch. 1. Moscow: Spetskniga, 2013. 880 p. (In Russian).

6. Gavra D.P. *Obshchestvennoe mnenie kak sotsiologicheskaya kategoriya i sotsial'nyi institut* [Public opinion as a sociological category and a social institution]. Saint Petersburg.: ISEP RAN, 1995. 350 p. (In Russian).
7. Zaionchkovskaya Zh.A., Poletaev D.V., Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Doronina K.A. *Zashchita prav moskvichei v usloviyakh massovoi migratsii* [Protection of rights of Moscow citizens amid mass migration]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniy, 2014. 118 p. (In Russian).
8. Malakhov V. *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Migrant integration: concepts and practices]. Moscow: Mysl', 2015. 272 p. (In Russian).
9. Mukomel' V.I. *Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' primamayushchego obshchestva* [Migrant adaptation and integration: technical approaches to assessing the results and the role of the host community]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Russia in reform: year-book]. Moscow: Novyi khronograf, 2016, issue 14, pp. 411-467. (In Russian).
10. Mukomel' V.I., Grigor'eva K.S. *Novatsii v rossiiskom migratsionnom zakonodatel'stve v kontekste pravoprimeneniya* [Novelties in Russian migration legislation in terms of administration of law]. *Migratsionnoe pravo* [Migration law], 2016, no. 2–3. (In Russian).
11. Ryazantsev S.V. *Trudovaya immigratsiya v Rossiyu: efekty ili riski dlya strany?* [Labor immigration into Russia: effects or risks for the country?]. *Rossiya v novoi sotsial'no-politicheskoi real'nosti: monitoring vyzovov i riskov* [Russia in the new socio-political reality: monitoring of challenges and risks], 2013, no. 1. Moscow: ISPI RAN. Pp. 124-137. (In Russian).
12. Ryazantsev S.V., Skorobogatova V.I. *Inostrannye trudovye migranty na rossiiskom rynke truda i novye podkhody k migratsionnoi politike* [Foreign labor migrants on the Russian labor market and new approaches to the migration policy]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2013, no. 4, pp. 21-29. (In Russian).
13. Ryazantsev, S.V. *Nedokumentirovannaya trudovaya migratsiya v rossiiskoi ekonomike* [Undocumented labor migration in the Russian economy]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Vestnik TSU. Socio-economic and legal research], 2015, vol. 1, no. 1(1), pp. 24-33. (In Russian).
14. Tyuryukanova E. *Trudovaya migratsiya v Rossiyu* [Labor migration in Russia]. *DemoskopWeekly*, 2008, no. 315–316. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0315/tema01.php>. (In Russian).
15. Chudinovskikh O.S. *O politike i tendentsiyakh priobreteniya grazhdanstva Rossiiskoi Federatsii v period s 1992 po 2013 g.* [On the policy and trends in obtaining Russian citizenship during 1992–2013]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2014, no. 3, pp. 65-126. (In Russian).
16. Yanitskii O.N. *Modernizatsiya v Rossii v svete kontseptsii «obshchestva riska»* [Modernization in Russia in the context of “risk society”]. *Kuda idet Rossiya? Obshchee i osobennoe v sovremennom razviti* [Where is Russia going? Common and peculiar in the modern development] (ed. by Zaslavskaya T.). Moscow, 1997. 368 p. (In Russian).
17. Yanitskii O.N. *Sotsiologiya riska: klyuchevye idei* [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2003, no. 1, pp. 3-35. (In Russian).
18. Alba R., Nee V. *Rethinking assimilation theory for a new era of immigration*. *International migration review*, 1997, vol. 31, no. 4, pp. 826-874.
19. Bauböck R. *Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism*. *International Migration Review*, 2003, vol. 37, no. 3, pp. 700-723.
20. Boyd M. *Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas*. *International Migration Review*, 1989, vol. 23, pp. 638-670.
21. Brubaker R. *The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States* / R. Brubaker. *Ethnic and Racial Studies*, 2001, vol. 24, no. 4, pp. 531-548.
22. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1982. 221 p.
23. Esser H. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft*. Frankfurt-New York: Campus, 2000. 511 p.
24. Fawcett J.T. *Networks, Linkages and Migration Systems*. *International Migration Review*, 1989, vol. 23, pp. 671-680.
25. Gans H.J. *Toward a Reconciliation of “Assimilation” and “Pluralism”: The Interplay of Acculturation and Ethnic Retention*. *International Migration Review*, 1997, vol. 31, no. 4, pp. 875-892.
26. Heckmann F. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung*. Heidelberg: Springer VS, 2015. 309 p.

27. Kirz M.M., Lim L.L., Zlotnik H. *International Migration Systems: a Global Approach*. Oxford, UK: Clarendon Press, 1992.
28. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. New York, 1993. 236 p.
29. Massey D.S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. *Population Index*, 1990, vol. 56, pp. 3-26.
30. Massey D.S., Arango J., Koucouci A., Pellegrino A., Taylor E.J. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 376 p.
31. Massey D.S., Goldring L.P., Jorge D. Continuities in Transnational Migration: An Analysis of 19 Mexican Communities. *American Journal of Sociology*, 1994, pp. 1492-1533.
32. Morawska E. In Defense of the Assimilation Model. *Journal of American Ethnic History*, 1994, vol. 13, pp. 76-87.
33. Ong A. *Flexible Citizenship. The Cultural Logics of Transnationality*. Durham, 1999. 336 p.
34. Piore M.J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society*. Cambridge: CUP, 1979. 229 p.
35. Portes A., Rumbaut R.G. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press, 2001. 430 p.
36. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1993, vol. 530, pp. 74-96
37. Sassen S. *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 240 p.
38. Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered*. New York, 1992. 259 p.
39. Stark O. *The Migration of Labor*. Cambridge: Basil Blackwell, 1991. 416 p.
40. Therborn G. *The killing fields of inequality*. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. 180 p.
41. Todaro M.P. *Internal Migration in Developing Countries*. Geneva: International Labor Office, 1976. 112 p.
42. Waldinger R. *The Cross-Border Connection: Immigrants, Emigrants, and Their Homelands*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015. 240 p.

Information about the Authors

Ol'ga Ivanovna Borodkina – Saint Petersburg University (1/3, Smolny Street, entrance 9, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: oiborodkina@gmail.com)

Nikolai Viktorovich Sokolov – Saint Petersburg University (1/3, Smolny Street, entrance 9, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: nvsspb@yandex.ru)

Aleksandr Vladimirovich Tavrovskii – Saint Petersburg University (1/3, Smolny Street, entrance 9, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: alextavr@mail.ru)

Статья поступила 05.12.2016.